

МУЗЫКА

М

МОЛОДАЯ

1933

Май

мурзилка

ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ
МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ. ГОД ИЗДАНИЯ ДЕСЯТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Асеев Н.	— 1 МАЯ	Худ. Антонов Ф.	стр. 1
Крупская Н.	— 1 МАЯ	Союзфото	2
Рудерман М.	— СЕВЕРНЫЙ ПЕРВОМАЙ	Худ. Гончаров А.	5
Смирнова В.	— ПЕРВОМАЙСКИЕ СКАЗКИ	„ Берендгоф Г.	8
Паустовский К.	— КАПИТАН ХМАРА	„ Филипповский Г.	13
Пушкин А.	— СТИХИ	„ Фаворский В.	16
Толстой Л.	— ЕЖ. СКАЗКА	„ Фаворский В.	17
Маршак С.	— КОЛЕСА	„ Бруни Л.	18
Страничка техники	— КАК ЛЮДИ УЧИЛИСЬ ЛЕТАТЬ	„ Вялов К.	21
Вишневский Вс.	— ПИСЬМО КОМАНДИРА	„ Козлов А.	23
Арбатов П.	— ПЕЛИКАНЫ	„ Горлов Д.	25
Александрова З.	— КАЧЕЛИ	„ Попова Л.	28
Федорченко С.	— БЕЛОЧКА	„ Генке М.	30
Барто А.	— ВСЕЗНАЙКА	„ Каневский А.	31
Федорченко С.	— ЗАГАДКИ	„ Харибин П.	

Обложка Ю. ПИМЕНОВ

$$\frac{XX}{11}$$

Н. Асеев

ПЕРВОЕ МАЯ

Было это 35 лет тому назад, при царе.

Полиция арестовала Ленина. Его засадили надолго в тюрьму, а потом послали в ссылку в Сибирь, далеко от железной дороги, в глухое село Шушенское. Приехала к нему и я с матерью. Кроме Ленина в том же селе жили другие ссыльные: один

финский рабочий — Оскар, другой польский рабочий — Проминский. У Проминского была большая семья: жена и шестеро детей. И Оскар, и Проминский часто приходили к нам.

Вот наступил день 1 Мая.

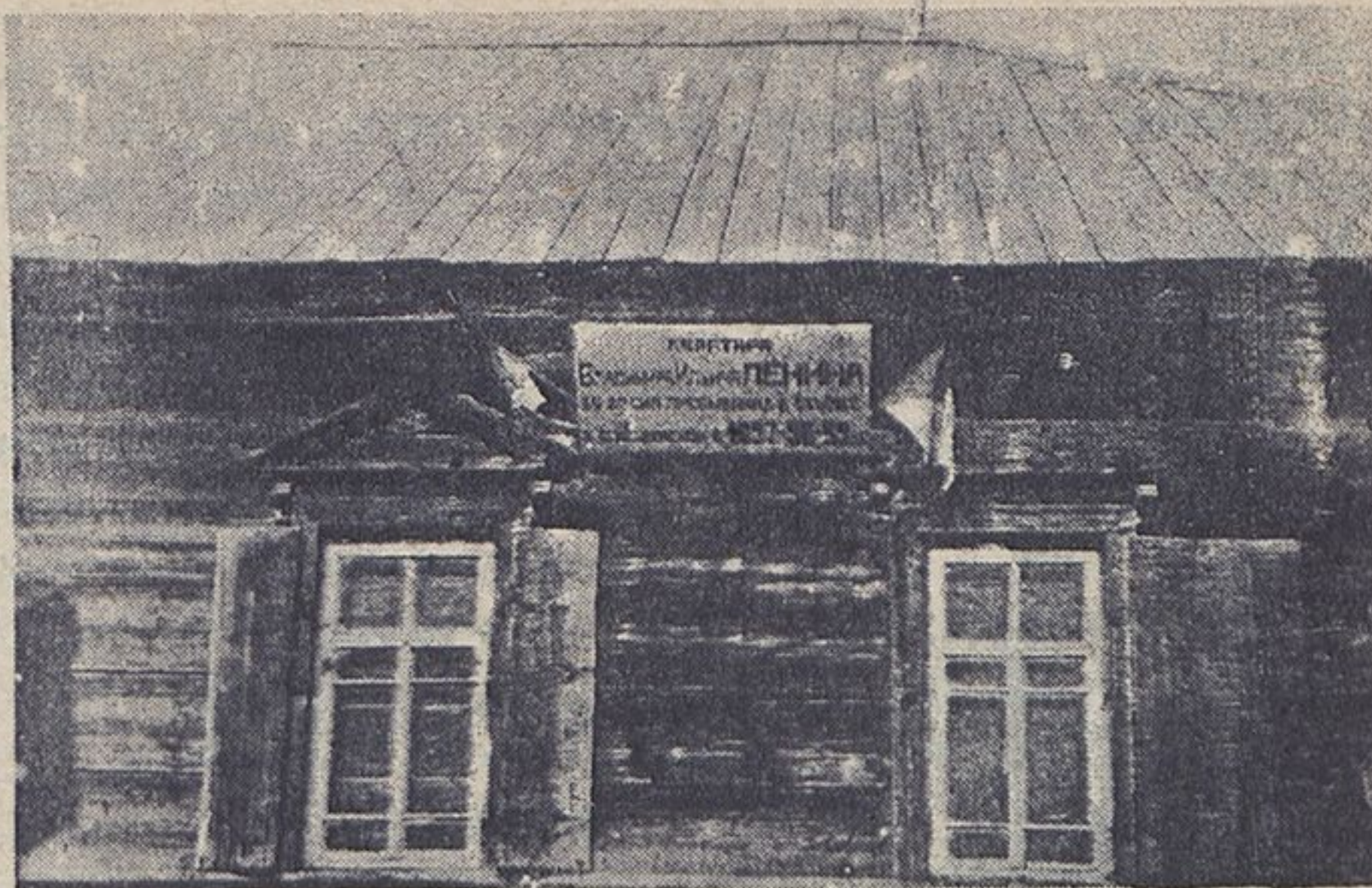
За десять лет перед этим рабочие всех стран сговорились — день 1 Мая сделать рабочим праздником. В этот день рабочие во всех странах решили не работать, выходить со знаменами на улицу и говорить на собраниях, что рабочим всех стран надо сообща бороться против капиталистов.

Утром 1 Мая пришел к нам Проминский. Он имел

Надежда Константиновна Крупская.

праздничный вид: надел чистые воротнички и сам весь сиял, как медный грош. Нам очень захотелось по праздновать 1 Мая. Втроем — Ильич, я и Проминский — пошли мы к Оскару. Захватили мы с собой и Ильичеву охотничью собаку Женьку. Женька видела, что мы чего-

Дом, где жил в ссылке В. И. Ленин.

то радуемся, и стала весело носиться и таять.

В Шуше весна поздно приходит. Деревья еще не распустились, на реке еще было много льду. Шли мы вдоль речки Шуши. Женька забиралась по брюхо в ледяную воду и лаяла, вызывая поглядывая на мохнатых шушенских сторожевых собак. Они не решались войти в такую холодную воду.

Мы расселись в избе, где жил Оскар, и стали дружно петь первомайскую рабочую песню:

День настал веселый мая.
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь раздайся удалая!
Забастуем в этот день!
Полицейские до пота
правят подлую работу,
нас хотят изловить,
за решетку посадить.
Мы плюем на это дело,
Май отпразднуем мы смело.
Вместе разом:
Гоп-га! Гоп-га!

Спели мы по-русски, спели ту же песню по-польски и решили пойти после обеда отпраздновать Май в поле. Как наметили,

так и сделали. В поле нас пошло целых шесть человек, так как Проминский захватил своих двух сынишек. Проминский продолжал сиять. В поле было еще мокро. Снег только-только еще стоял. Когда нашли в поле сухой пригорок, Проминский остановился, вытащил из кармана красный платок, расправил его на земле и встал на голову. Дети завизжали от восторга.

Вечером собрались все у нас. Проминский пришел с женой и четырьмя детьми. Пели весь вечер революционные песни. Пела и моя мама, и жившая у нас 14-летняя девочка Паша.

А вечером мы с Ильичем никак не могли заснуть, все мечтали о больших рабочих демонстрациях.

Прошло много лет. Теперь 1 Мая у нас, в Стране советов, празднуют не десяток человек в далекой ссылке, а миллионы рабочих и колхозников. Они празднуют свою победу. Они шлют свой привет рабочим всего мира.

В других странах нет еще советской власти, и капиталисты запрещают рабочим выходить на улицу, но рабочие их не слушают, и 1 Мая выходят на улицы, на борьбу уже не десяток, а тысячи, десятки тысяч рабочих.

Н. Крупская

СЕВЕРНЫЙ МАЙ

1

Мы весной
на север
едем.

Бег,
бег,
бег.

Мы к тюленям,
мы к медведям.

Снег,
снег,
снег.

Едем днями
и ночами.
Белый путь
далек.
И звезда
горит над нами —
ледяной
цветок.

Видим —
мальчик-медвежонок
к нам спешит.
В десять
теплых одежонок
он зашит.

На его ресницах
иней,
и мороз
сделал нос
сосулькой синей, —
синий нос.

— Говори нам
без утайки:
разве ты
никогда не носишь
майки
и не рвешь
цветы?

И не ешь ни разу
за год
спелых слив,
желтых груш
и красных ягод,
яблока налив?

Десять
теплых одежонок,
где ваш дом?
Машет
мальчик - медвежонок.
— Ну, пойдём!

2
В чуме
тесно
от народа.
Дым—не продохнешь.
Старики оленеводы,
дети, молодежь.

Здесь такие же знамена,
как везде, несет
первомайская колонна
армия
и флот.

Пусть гудят
мороз и вьюга
мы везде
одну,
дети севера и юга,
празднуем весну.

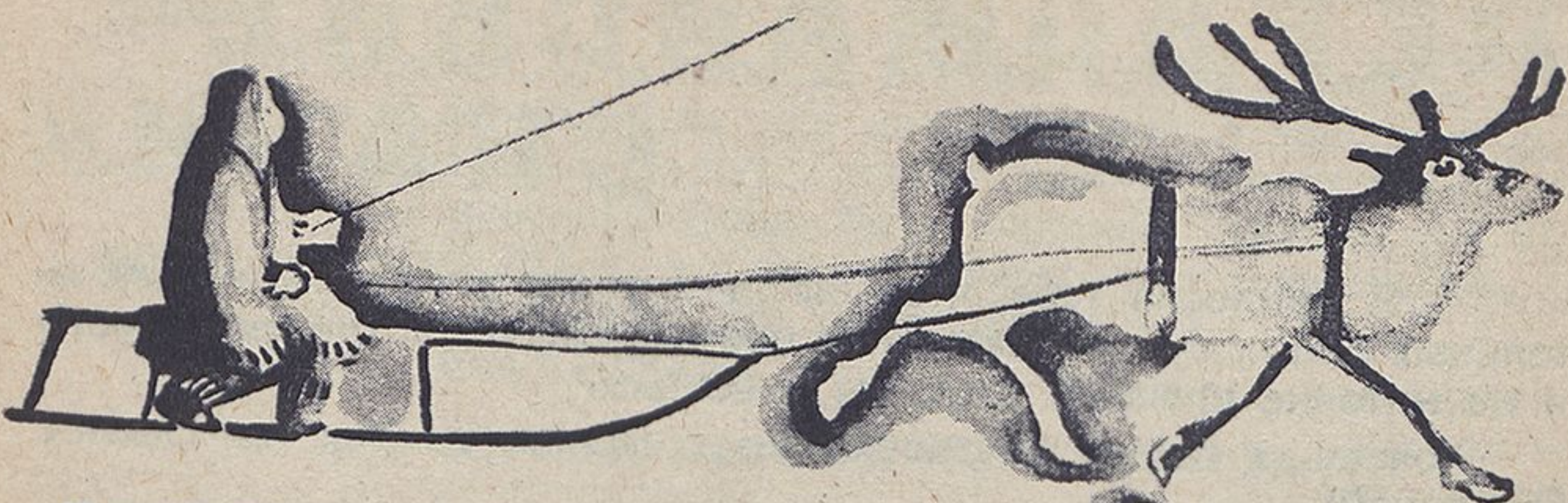
3

В чуме
душно от народа.
Чум—тесный
дом...
Вот бегут олене-
воды

на мороз гур-
том.

Скачут,
ноги разминая
уминая снег,
и олений
начинают
знаменитый бег.

Прыгнут
в нарты на колени
и шестом
взмахнут,
и рогатые олени
нарты всколыхнут.

И пойдет
такая скачка,
крик и свист
и вой!
На снегу —
морская качка,
ветер штормовой.

Спрятан
в десять одежонок,
мчится
мальчик-медвежонок.

А за ним
и мы
летим
сквозь морозный
снежный
дым.

Пусть гудят
мороз и вьюга.
Мы везде
одну,
дети севера и юга,
празднуем весну.

ПЕРВОМАЙСКИЕ СКАЗКИ

— Я принесла тебе, чтоб ты не скучала в мае, три замечательных вещи: белый, как снег, цветок, старую лохматую ворону и на ниточке красный шар. Ты смеешься?

Хочешь, я сейчас на твоих глазах сделаю из них три сказки. Послушай!

Вот первая сказка.

ПРО ЦВЕТОК, КОТОРЫЙ РАСЦВЕТАЕТ В МАЕ

Когда зима уходила, она забыла в саду кусочек снега. Маленький — вот такой.

Солнце заглянуло в сад: „Ушла зима?“

Снежный кусочек сжался и пополз прочь.

Примчался ветер: „Ушла зима?“

Снежный кусочек потемнел и спрятался под куст.

Птицы прилетели, сели на куст, закричали: „Ушла зима?“

Снежный кусочек совсем сжался и ушел в землю.

Все успокоились, занялись своими делами. Ветер расчистил небо, солнце покатилося по чистому небу, как мячик, птицы стали ребят дразнить.

Тут и выглянул из земли цветок — белый, как снег, — и закачался на зеленой ножке.

Птицы увидели, переполошились: „Снег! Снег!“

Ветер зашумел: „Снег! Снег!“

Солнце рассердилось: „Где снег?“ и стало греть изо всех сил.

Большая суматоха поднялась в саду.

А люди обрадовались и сказали:

— Вот первый майский колокольчик. Он всегда расцветает в мае.

— Вот видишь, это вовсе не снег. Снег давно растаял. Зима прошла.

— А ворона? Зима прошла, а зачем ворона осталась?

— Что ж делать? Снег тает каждую весну, а вороне куда же деться? Вороны долго живут. Говорят, вороны живут триста лет.

— Как интересно! Хорошо быть вороной! Сколько она всего видела на свете! Жаль, что она не может ничего рассказать.

— Хочешь, я могу за нее рассказать?

Это будет вторая сказка.

ПРО ВОРОНУ, КОТОРАЯ ЖИВЕТ ТРИСТА ЛЕТ

За городом, в роще, жила ворона. И вороньи дети, и вороньи-родные и знакомые — целая воронья стая.

За рощей было большое поле, а в поле — дорога. Весной дорогу размыли дожди, и червей было сколько угодно.

Но вороне мешали люди. Они шли по дороге, все в одну сторону, но поодиночке, все очень быстро, но оглядываясь, все плохо одетые, но с веселыми лицами.

Дорога входила в рощу, и люди толпились на полянке. Какой-то человек влезал на пенек, как будто хотел быть деревцем, и махал руками, как ветками. Ворона слетела пониже — послушать. Человек шелестел: „Товарищи!“ и вынимал из-за пазухи большой красный платок. И толпа шумела, как роща под ветром. Ворона любопытствовала:

— П-р-р-аздник? Какой пр-р-р-аздник?

Люди ломали ветку с березы и делали флаг. Стояли под флагом торжественно и пели грозные песни, грозили кому-то.

Ворона беспокоилась:

— К-к-кому гrrрозят? Прrrро кого поют?

А люди кричали: „Да здравствует Первое мая!“

И радовались и не слыхали топота на дороге. А ворона слышала: копыта стучали, свистели нагайки, звенели по ногам казачьи шашки. А ворона видела: блестели за спинами ружья.

Трах-тах-тах-тара-рах... С криком взметнулась над рощей стая, как черная туча закрыла солнце.

И люди бросились врассыпную. Полетели пули из ружей их догонять. Кого догонит пуля, тот упадет и уже больше не встанет. А когда все затихло и лошади повернули обратно, остался в роще у пенька под березой человек. Он лежал на спине и смотрел в голубое небо. Ворона любопытствовала, слетела вниз.

„Почему он тут лежит? Скоро вечер. Праздник кончился, пора в горрод“.

Человек не шевелился.

— Не понимаю, — удивлялась ворона, — непонятно... — И клюнула его в холодную руку.

— А ты понимаешь? Ты большая, ты можешь уже понять. Это было в мае. Это была рабочая маевка. Так праздновали рабочие Первое мая давно, когда тебя еще не было на свете, когда я сама была еще маленькая, как ты.

— Какое грустное! Детям лучше рассказывать веселые сказки...
— Ладно. Я расскажу тебе самую веселую сказку. Слушай!
Вот моя третья сказка.

ПРО КРАСНЫЙ ШАР, КОТОРЫЙ ЛЮБЯТ ВСЕ ДЕТИ НА СВЕТЕ

Автомобилей было много — столько, сколько домов и фонарей и улиц в городе: у каждого дома — автомобиль, у каждого фонаря — автомобиль, по каждой улице — автомобиль. И сколько уместилось на всех автомобилях, столько было ребят.

А сколько было ребят, столько было красных шаров.

Потому что у всех ребят, даже у самого маленького и некрасивого, зацепилась за верхнюю пуговицу пальто ниточка, и на ней болтался прекрасный красный шар.

Автомобили катились, музыка играла, ребята кричали, и красные шары высоко подпрыгивали от радости.

Потому что ведь это очень почетное дело — выступать на празднике 1 Мая в рабочем городе, в Советской стране.

Вдруг... у самого маленького малыша потихоньку оторвалась пуговица от пальто. И полетели — пуговица вниз, под ребячьи ноги, шар вверх — в майское небо.

— Ай-ай! — закричали ребята. — Шар улетает!

И все, и большие и маленькие, поднимали головы и смотрели на красный шар, улетающий в небо.

— Куда он летит? — спрашивали ребята. — Он не вернется назад?

— Он поднимется туда, где воздух холодный и редкий, лопнет и упадет опять на землю.

Ребята успокоились: все-таки шар вернется назад. Только самый маленький малыш хотел заплакать. Но на праздниках не стоит плакать, и он утешился.

А на самом деле шар вовсе не лопнул.

Он летел, его подгонял ветер, ниточка болталась хвостиком. Он летел быстрее самолета, пролетел над большим морем, над высокими горами, над длинными дорогами.

— Вон летит красная птица, — сказал полицейский в Польше.

— Арестовать! У нас не разрешается никаких демонстраций.

— Это большевистские штучки, — сказал берлинский полицейский. — Что бы это значило, хотел бы я знать.

— Берегитесь! Это летит советская бомба. Сейчас она разорвется! — И французская полиция давала сигнал тревоги.

А ведь это был просто детский шар.

Шар долетел до большого фабричного города. Ворота фабрики были закрыты, и рабочие шли по улице.

— Довольно, — сказал ветер, — сделаем тут остановку. — И замотал ниточку за крышу дома.

Шар качался блестящий и красный, и его далеко было видно отовсюду.

Кто его видел? Видели его и ребята, и рабочие другой страны, видели и важные господа — хозяева этой страны, и слуги их — полицейские.

Ребята веселились и хлопали в ладоши, совсем как наши советские малыши.

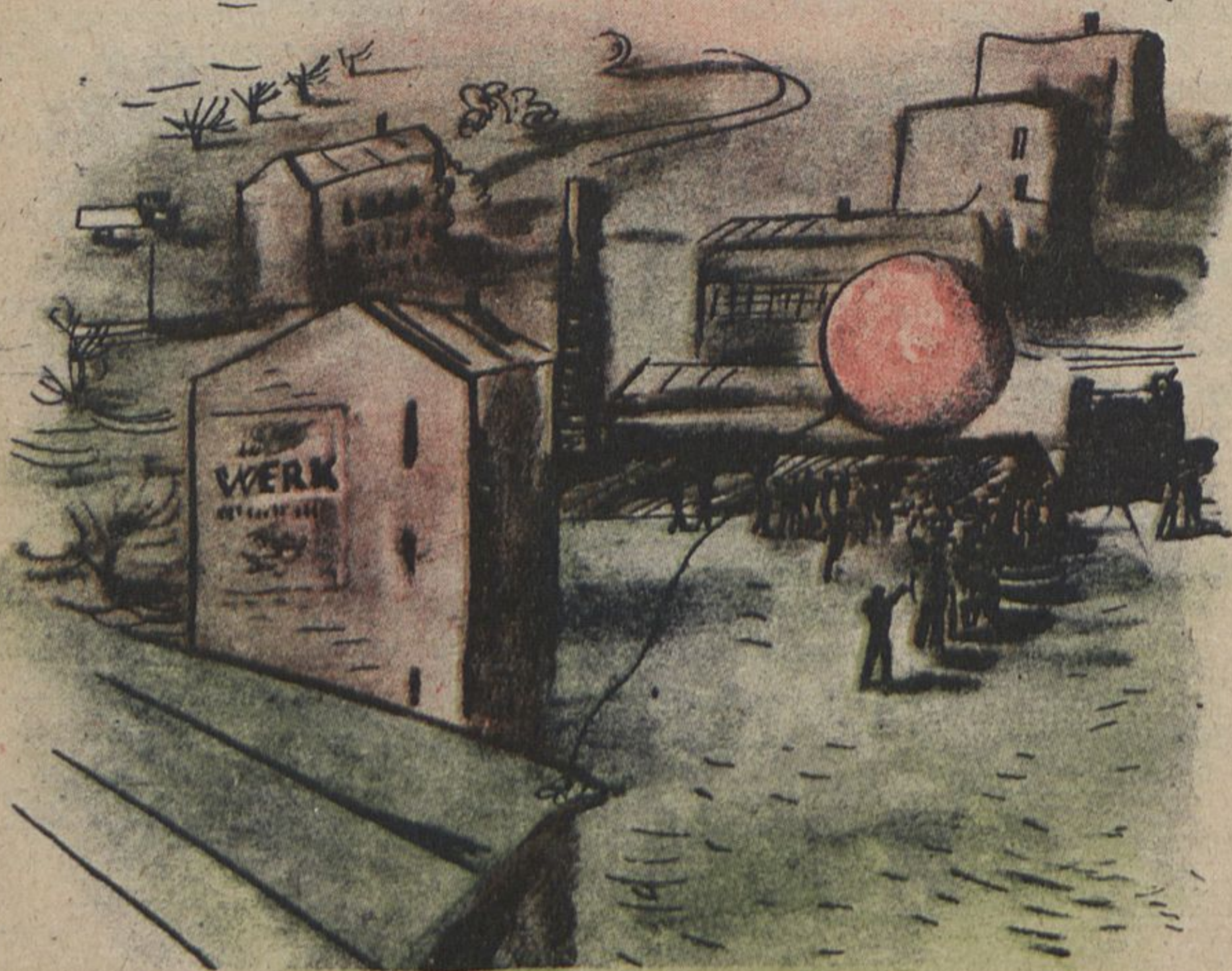
Рабочие смеялись: „Ага, у нас отняли наше красное знамя, нам запретили праздновать Первое мая. Этот красный шар нам вместо майского флага“.

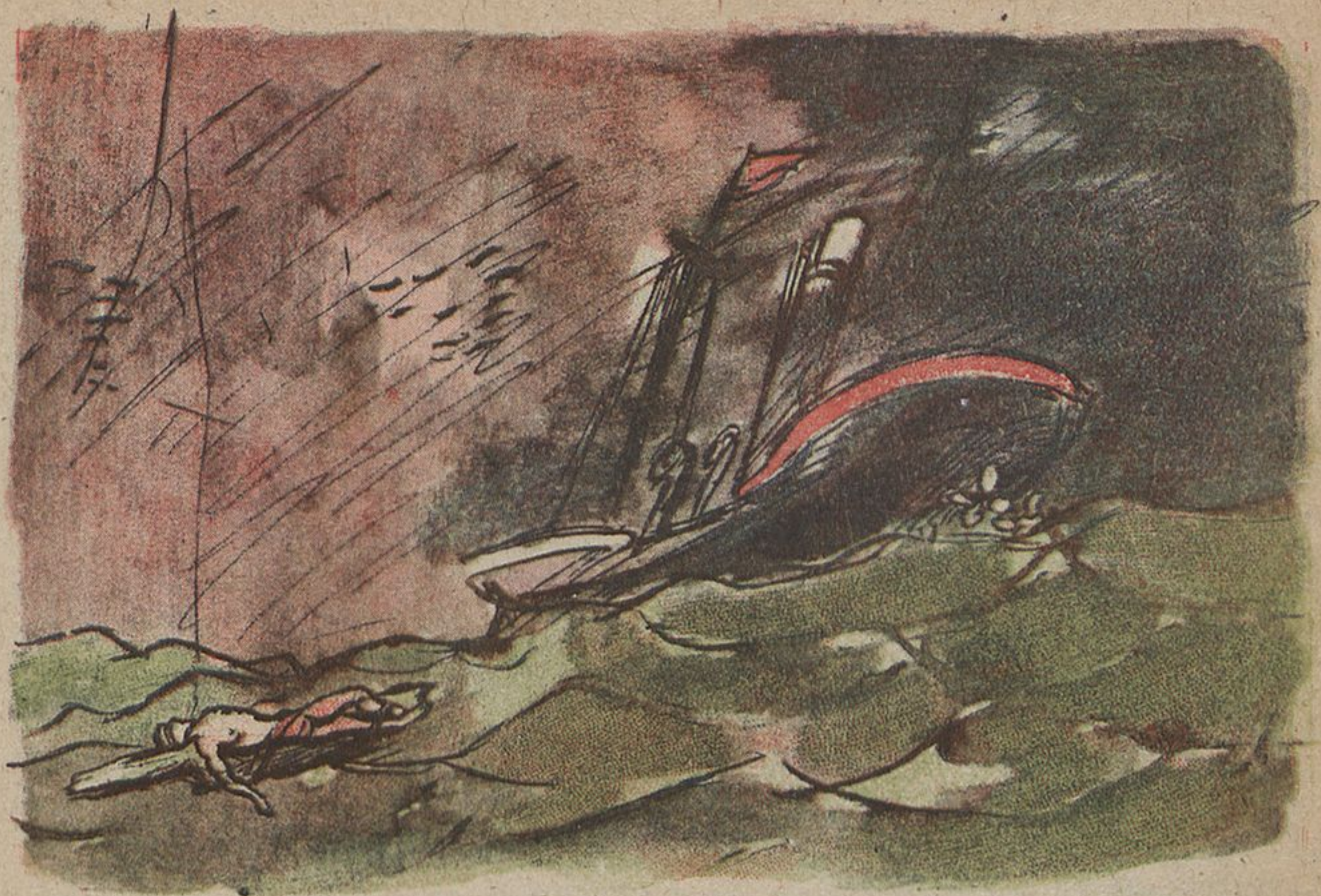
Важные господа сердились: „Безобразие! Даже детские игрушки становятся опасными“.

А полицейские только хлопали глазами: „Ведь нигде не написано: надо стрелять в красные шары или нет?..“

— Я знаю, я вижу по твоим глазам, что ты думаешь. Ты хочешь меня попросить пошире открыть окно и выпустить шар на волю. Пусть летит, куда хочет. Может быть, его тоже кто-нибудь увидит...

В. Смирнова

К. ПАУСТОВСКИЙ

КАПИТАН ХМАРА

1

Поздней осенью морские бури у берегов Батума выбрасывают на пляж тысячи гнилых мандаринов. Берега тогда будто обведены яркой оранжевой краской. Случается это потому, что осенью в Батуме идут сильные ливни. Они затопляют сады и сносят в море кучи мандаринов, приготовленных для продажи.

Я вспомнил о мандаринах потому, что голова у капитана парохода „Ильич“, Хмары, была похожа на мандарин. Хмара был рыжий. Кроме того он был маленький, молчаливый и любил на-свистывать украинские песенки.

Осенним днем в Батуме бывает так темно, что в каютах даже в полдень зажигают лампы. В такой день портовая радиостанция приняла от английского парохода „Чатам“ просьбу о помощи. „Чатам“ погибал от шторма в сорока морских милях от Батума.

Западный ветер хозяйничал в городе. На крыши падали хлопья холодной пены. Ветер заносил в город перелетных перепелов, застигнутых бурей в море.

„Ильич“ стоял под парами и немедленно вышел на помощь „Чатаму“. На пристани собралась толпа. Извозчики подъезжали к самому берегу, чтобы лучше видеть отход „Ильича“. Лошади стояли по колена в воде и пене, испуганно прижав уши. Пароходы качались в порту на якорях и поднимали сигналы: „Счастливого плаванья!“

Собака Хмары — Злость, овчарка с розовой шерстью, — сидела на краю пристани и тихо выла. Пароход снялся так стремительно, что ее забыли позвать. Она бегала в то время около портовых складов, вынюхивая крыс.

Турки — лучшие моряки в мире — только качали головами на пристани и чмокали, глядя на винты „Ильича“. Винты вылетали из воды и взбивали выше палубы столбы пены.

— Ва! Погибать пошли, сумасшедшие. Прямо погибать!

2

Прошло три бесконечных дня ожидания. „Ильич“ не возвращался. Шторм не стихал. Он проносился над городом, как тысяча скорых поездов. Шторм гнул в дугу железные сваи пристаней. Ветер катил по мостовым разбитое стекло. Мы глохли от шума волн и слепли от соленых брызг, бивших в глаза.

Ночью на третьи сутки я проснулся от мощного пароходного гудка. Шум бури достиг небывалой силы. Казалось, море кричало от ярости. Черный ливень хлестал в обитые жестью стены домов.

Я вскочил. За разбитым бурей окном качались тусклые огни „Ильича“.

С трудом пробиваясь сквозь ветер, я добрался до портовой конторы. В кабинете начальника порта блестели лужи соленой воды. В них отражались язычки свечей. Электричество не горело. Шторм порвал провода.

В кожаном кресле сидел капитан Хмара с багровым от ветра лицом. Злость тщательно облизывала его сапоги, смазанные жи-

ром. Искоса она рычала на начальника порта. Начальник порта читал рапорт капитана Хмары о розысках парохода „Чатам“. Потом он низко наклонил голову и крепко пожал Хмаре руку. Хмара быстро вышел.

3

Начальник порта протянул мне бумагу. В ней было написано: „Радио с английского парохода „Чатам“ было получено мной, капитаном парохода „Ильич“, 28 ноября, в 12 час. 30 мин. В 12 час. 40 мин. „Ильич“ вышел в море на помощь „Чатаму“. Я приказал развить скорость, какую только могут выдержать наши машины. Шторм, силой в одиннадцать баллов, бил пароходу в „скулу“ (в нос). Винты наполовину работали в воздухе. Густой туман скрывал горизонт.

На месте, где должен был находиться „Чатам“, мы не нашли ничего, кроме больших пятен масла. Из этого я заключил, что пароход погиб. Мы сделали несколько кругов вблизи места кораблекрушения, разыскивая шлюпки или обломки с гибнущими людьми.

Было созвано летучее собрание команды. Мы постановили продолжать поиски до последней возможности. Во время собрания матрос Омельчук был сбит с ног сильным ударом волны. Он получил рваную рану плеча.

Лишь на завтра к вечеру в густом сумраке с мостика был замечен на волнах темный предмет. Я взял курс на него и обнаружил несколько палубных скамеек, скрепленных вместе. К ним был привязан человек. С большим трудом его удалось поднять на борт. Спасенный был без сознания. В кармане у него нашли матросскую книжку на имя рулевого Джона Витинг.

„Ильич“ продолжал поиски.

Витинг очнулся в ночь на 30-е и сообщил, что „Чатам“ погиб, переломившись на волне. Пароход был настолько стар, что по всем законам его нельзя было выпускать в плавание. Владельцы парохода отправили его на верную гибель. Они хотели получить страховые деньги. „Чатам“ был застрахован в 20 тысяч фунтов стерлингов. На „Чатаме“ погибло 27 человек.

Доношу, что поведение команды во время поисков „Чатама“ можно назвать образцовым.

Я уверен, что искал всюду, где могли быть гибнущие люди с „Чатама“. Считаю, что я исполнил свой долг.

Хмара, капитан „Ильича“

СТИХИ А. С. ПУШКИНА

Гонимы вешними лучами,
с окрестных гор уже снега
сбежали мутными ручьями
на потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
сквозь сон встречает утро года;
синяя блещут небеса.
Еще прозрачные, леса
как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
стада шумят, и соловей
уж пел в безмолвии ночей.

СКАЗКА Л. Н. ТОЛСТОГО

Е Ж

Теленок увидел ежа и говорит:

— Я тебя съем.

Еж не знал, что теленок ежей не ест, испугался, клубком свернулся и фыркнул:

— Попробуй...

Задрав хвост, запрыгал глупый теленок, боднуть норовит, потом растопырил передние ноги и лизнул ежа.

— Ой-ой-ой! — заревел теленок и побежал к корове, матери, жалуется: — Еж меня за язык укусил.

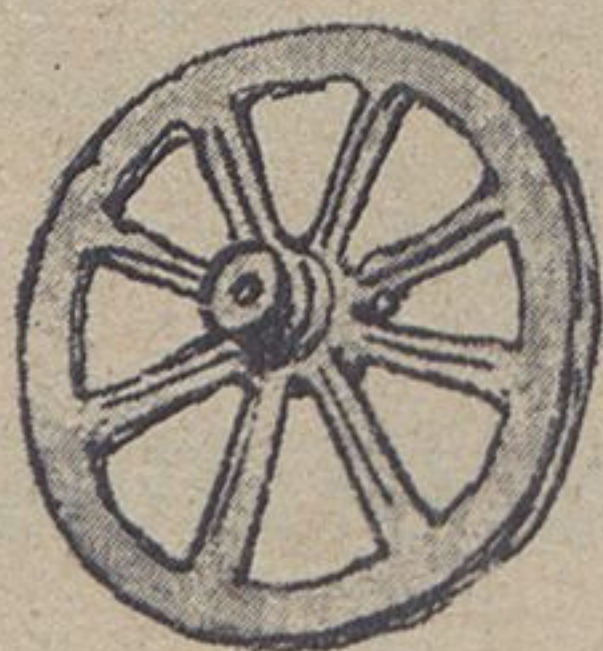
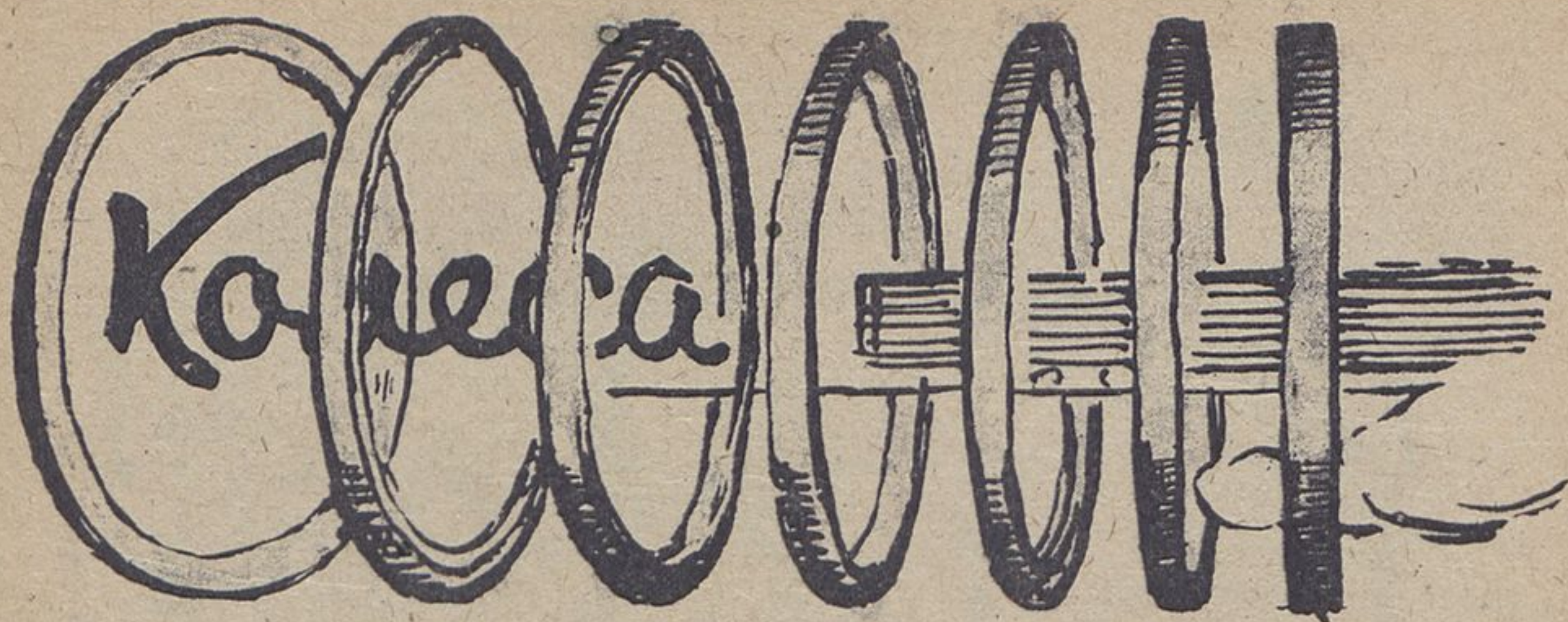
Корова подняла голову, поглядела задумчиво и опять принялась траву рвать.

А еж покатился в темную нору под рябиновым корнем и сказал ежихе:

— Я огромного зверя победил, должно быть льва!

И пошла слава про храбрость ежову за синее озеро, за темный лес.

— У нас еж — богатырь, — шопотом со страху говорили звери.

Колеса,
колеса —
послушный народ:
берут они дружно
любой поворот.

Направо,
налево,
и прямо,
и вкось —
куда повернется
колесная ось.

В игрушечной тачке
с одним колесом
мы с берега щебень
и камень
везем.

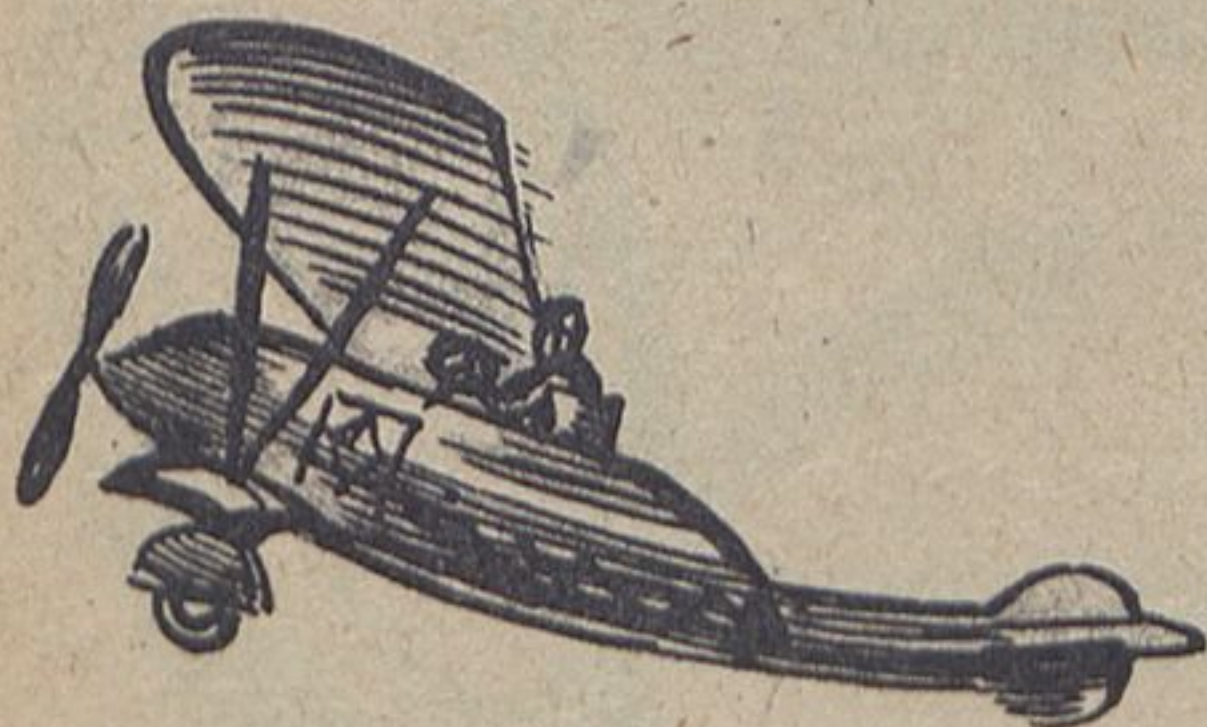

А дюжина дружных
тяжелых колес
в Москву
из Сибири
несет паровоз.

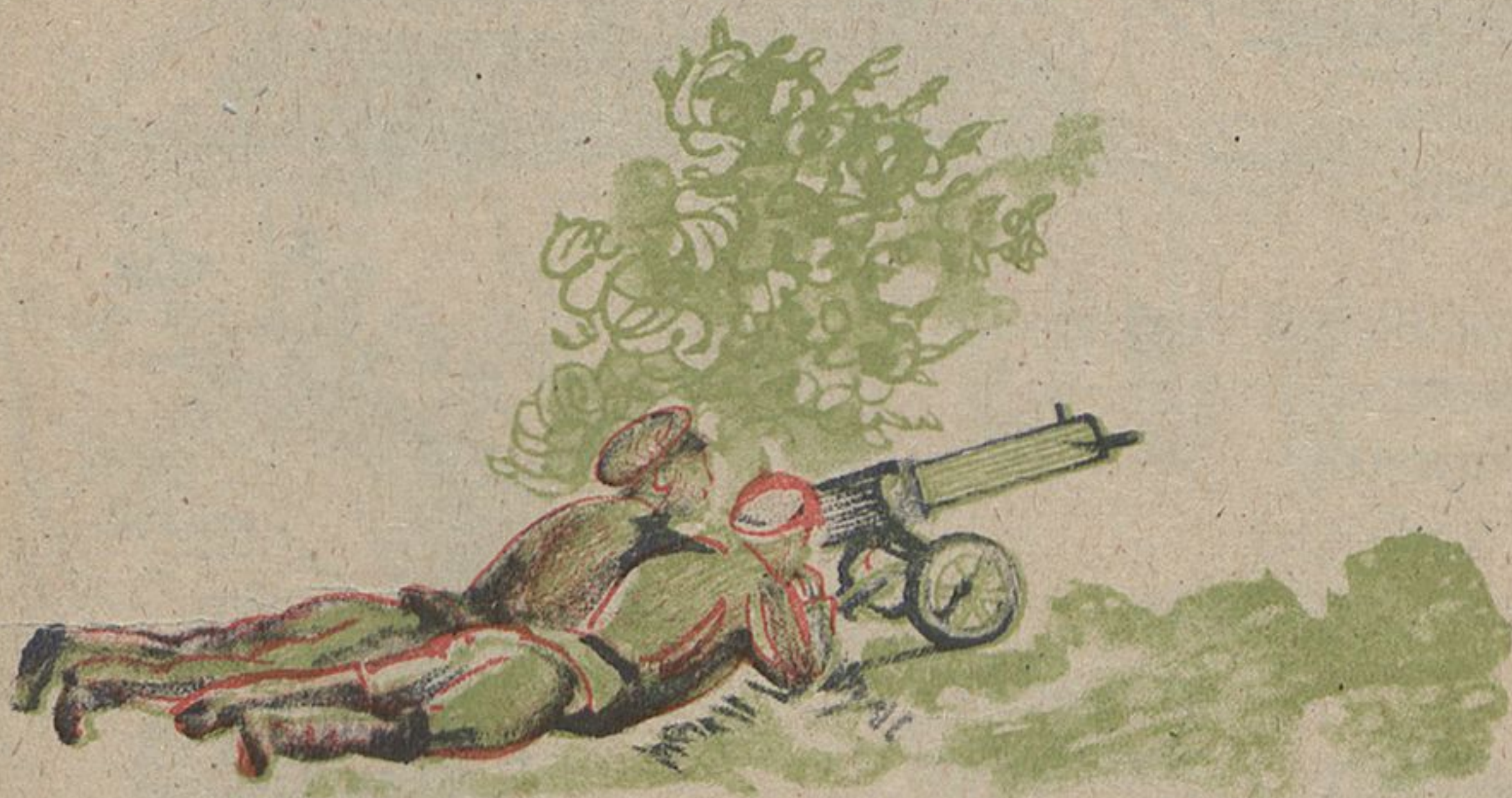

В часах
заводные
колеса
ведут
тончайшие
стрелки
секунд и минут.

А вот,
пробега
по тысяче миль,
сверкает
колесами
автомобиль.

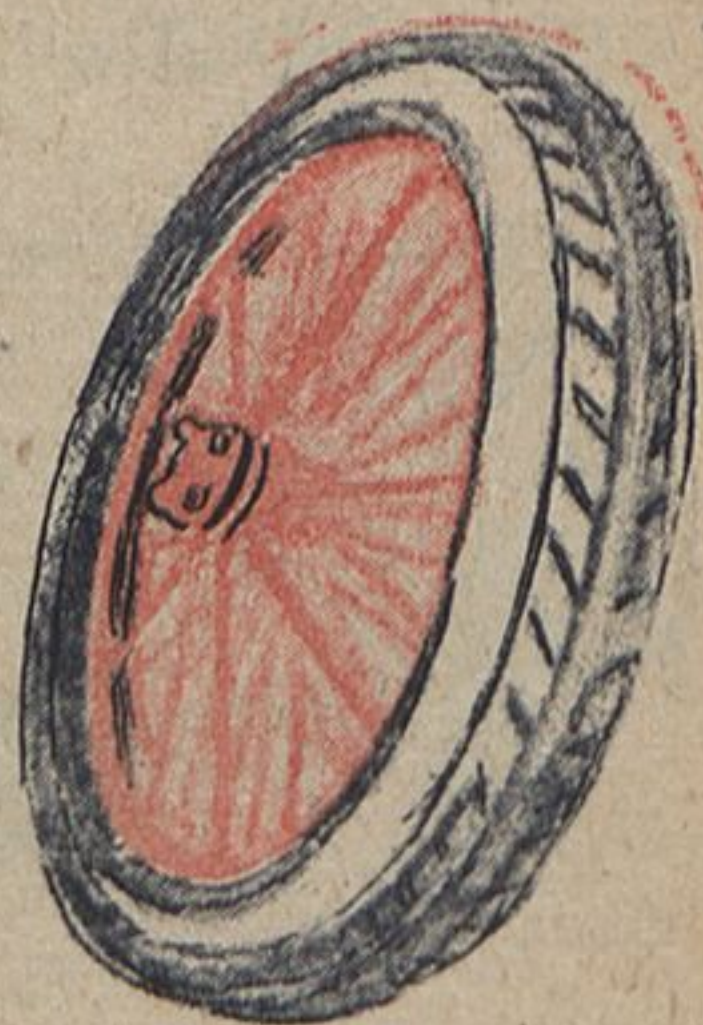
Трясаясь на колесах,
бежит пулемет.
Разбег на колесах
берет самолет.

Кому
для работы,
кому
для войны,
кому
для полета
колеса нужны.

Колеса,
колеса —
послушный народ:
берут они дружно
любой поворот.

Направо,
налево,
и прямо,
и вкось —
куда повернется
колесная ось.

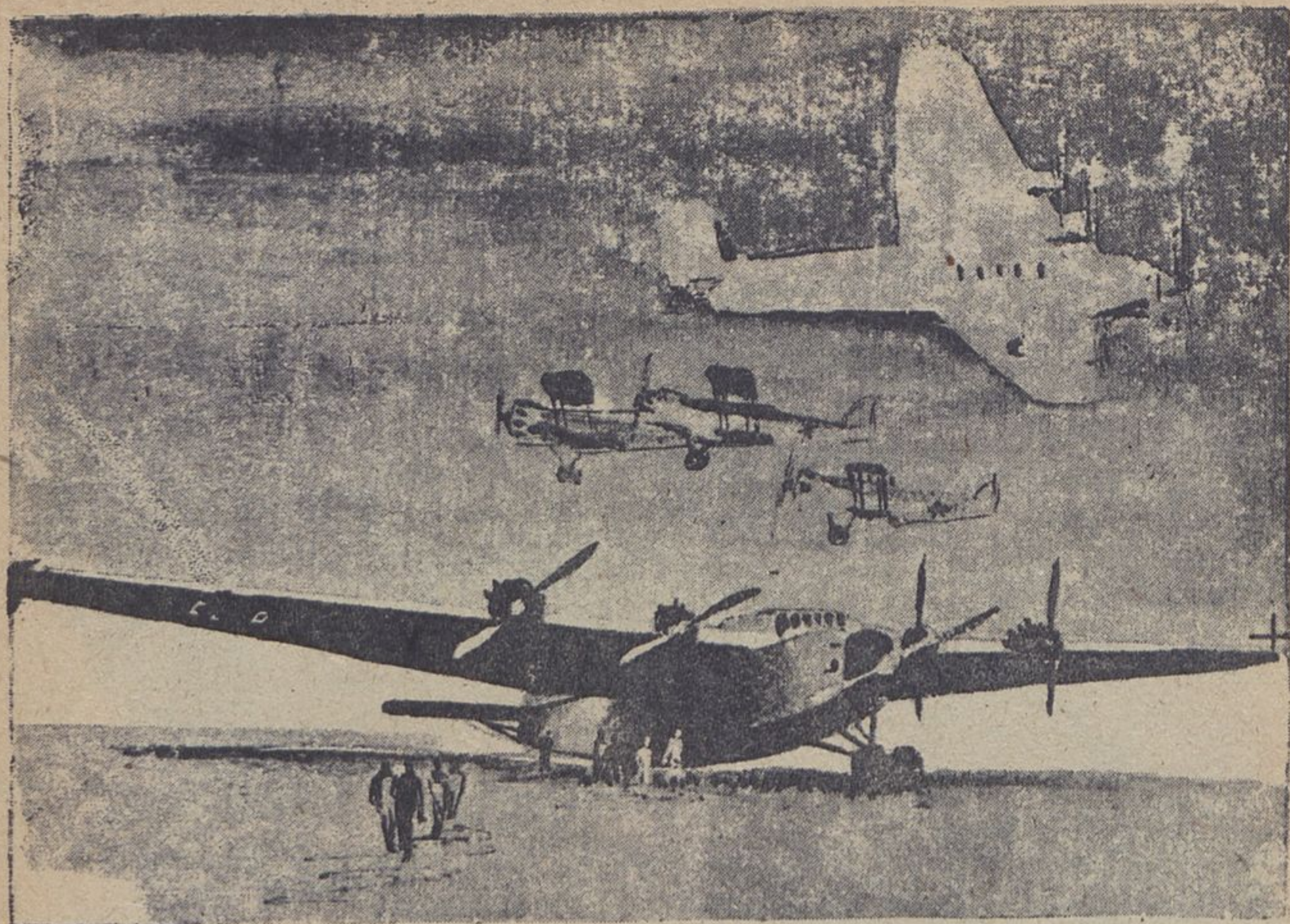

С. Маршак

КАК ЛЮДИ УЧИЛИСЬ ЛЕТАТЬ

На этой странице, внизу, — машина, на которой пробовал летать инженер Лилиенталь. Это было тогда, когда твоему деду было примерно столько лет, сколько тебе сейчас.

Выше нарисован первый аэроплан. Его сделали братья Райт. Это было тогда, когда твоему отцу было столько лет, примерно, сколько тебе сейчас.

Наверху летит стальная птица, на которой летал Луи Блерио. Это было тогда, когда твой отец кончал школу.

А на этой странице нарисованы самолеты, на которых ты можешь полететь хоть сейчас.

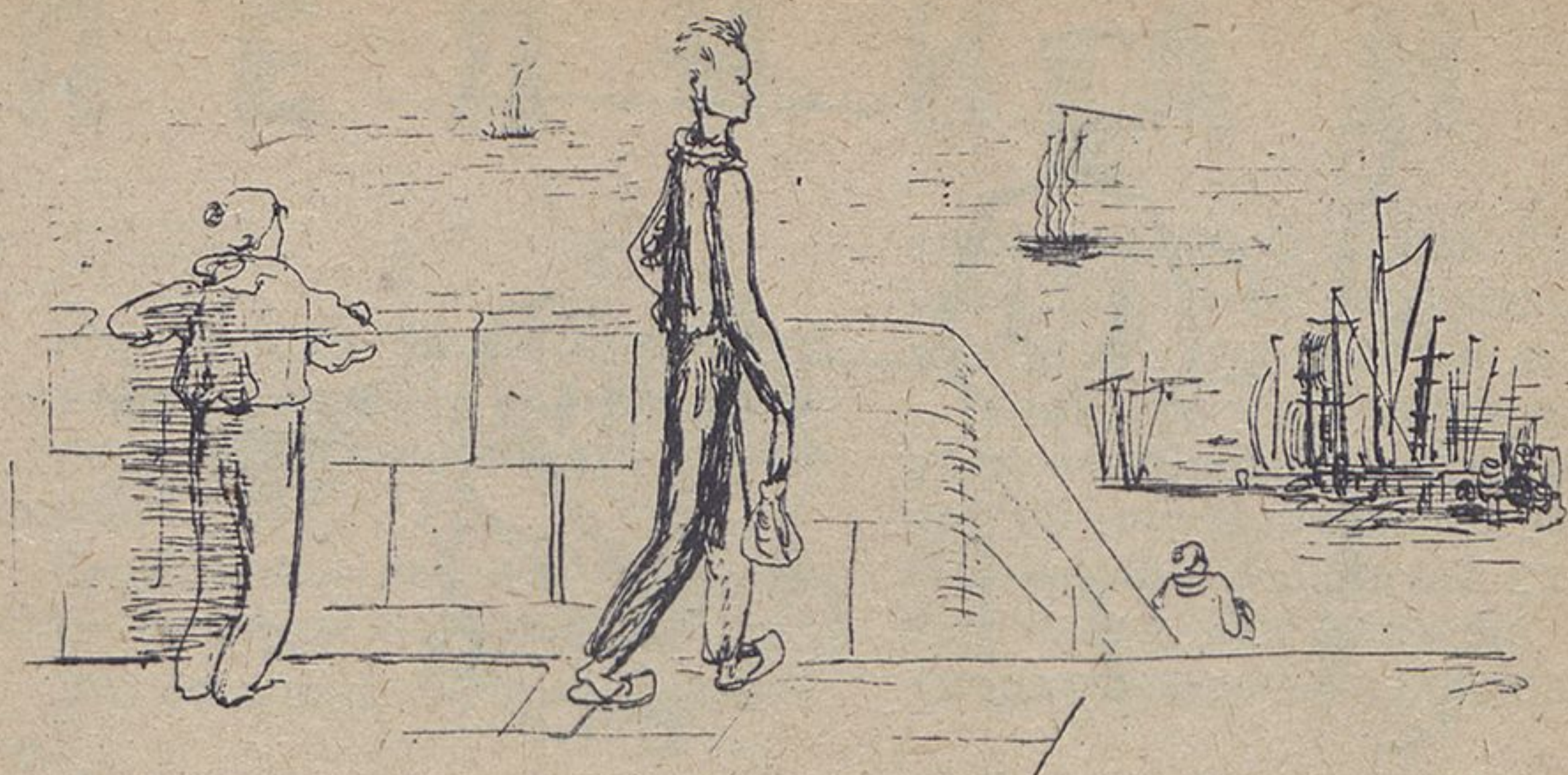
А какие будут самолеты, когда тебе будет столько лет, сколько твоему отцу сейчас, нарисуй сам и пришли нам в «Мурзилку».

ЗАГАДКИ

ПРОЙДУ НЕБОМ,
ПОЛЮ ХЛЕБОМ.

ЧТО ВЕЛИТ
МОЗГАМИ ШЕВЕЛИТЬ?

Разгадки разлете лись по другим страницам, ищи их там.

ПИСЬМО КОМАНДИРА КРАСНОГО ФЛОТА К СВОЕМУ СЫНУ

Дорогой Игорь!

Ты просил рассказать что-нибудь о жизни на море и о чужих странах. Я расскажу тебе о юнгах английского флота. Юнгами называются мальчики, которые поступают на морскую службу.

Есть много таких мальчиков-рыбаков, которые никогда в жизни не видели леса и не ездили в поезде. Чтобы не кормить лишних ртов, отцы и матери отдают детей на казенную службу.

Мальчиков берут на учебные корабли. Это огромные, деревянные, старинные парусные суда. Их давно пора отправить на слом, но расчетливые хозяева берегут их и используют до конца. На эти суда и помещают юнг целыми сотнями.

Однажды английские корабли атаковали немецкую стоянку. Был трудный ночной бой. После боя корабли возвращались в Англию. На одном быстроходном торпедном (минном) катере была пробоина. Вода заливала катер, и он мог утонуть. Тогда офицер велел одному юнге влезть в пробоину и заткнуть ее хоть своим телом. Итти кораблям до Англии надо было всю ночь. Холодная вода била по телу юнги, и он совсем окоченел.

Катер уцелел. Юнге дали в награду крестик из металла: знак за услуги хозяевам. Юнга служил еще ряд лет, потом больной был уволен.

Сейчас у него нет работы, нет здоровья. Остался крестик. Бесполезный кусок металла.

Ты знаешь, Игорь, как живут и учатся краснофлотцы у нас. Так стало у нас после Октябрьской революции. Будем работать, чтобы так жили моряки и в других странах.

Вс. Вишневский

ЗАГАДКИ

(Скороговорка)

ИДЕТ СИЛАЧ,
НА НЕМ ЛОВНАЧ,
ЗА НИМ КОПАЧ —
ДОБЫВАТЬ КАЛАЧ.
А НУ, СКАЖИ СКОРО: ЧТО ЭТО?

СИДЯТ
ДВА
ДРУГА.
ГЛЯДЯТ
В ДВА
КРУГА.

НАД ЗЕМЛЕЙ ГОРИТ
ВСЕМУ МИРУ ГОВОРИТ

А разгадки разбежались по другим страницам. Поищи их на полях

П Е Л И К А Н Ы

1

Как только весеннее солнце пригреет покрепче, на пруды зоопарка тихо wypлывают легкие глыбки.

Глыбки эти не снег и не лед. Они — мягкие и теплые.

Это большие диковинные птицы.

Словно огромные бумажные корабли, покачиваясь, плывут эти странные птицы по пруду.

В этот день на пруду их было трое: один хохлатый, серый, и двое розовых, с вихром на макушке.

Несколько лет тому назад их привезли в зоопарк охотники. Они вынули их еще совсем птенцами из гнезд в камышах туркестанских озер.

Пеликаны плыли у берега.

Вдруг все вместе, как по команде, опустили они свои клювы в воду — хвост кверху, лапки в воздухе. Постояли — и дальше. Только под клювом в мешках будто трепыхается что-то.

Вот серый пеликан завертел головой и задрал

клюв кверху. В клюве блеснула рыба. Пеликан подбросил ее в воздух и заглотнул на ходу.

Птицы плывут к берегу. Неуклюже переваливаясь, одна за другой они выбирают на сушу. Все четыре пальца на их коротких лапах, как резиной, затянуты плавательной перепонкой.

Большой розовый клювом, как щипцами, расправил острые перышки у себя на груди и щурится от удовольствия.

Глаза у него длинные и красные, как кровь.

2

Почти у всех птиц на прудах зоопарка подрублен кончик одного крыла. Сделано это для того, чтобы они не могли улететь.

Пеликанам, кроме того, к весне подстригают маховые перья.

Весной, понадеявшись на подрезанное крыло, перья им подстригать не стали и выпустили так на пруд.

Стоял жаркий летний день. На берегу деревья замерли. Пеликаны отдыхали на сваях. Они широко раскрывали клюв и точно зевали. Другие на воде шумно шлепали себя по бокам мокрыми сложенными крыльями.

Большой серый пеликан плыл один. Вдруг он снялся с места, замахал крыльями и, лопоча по воде лапами, пожегал по пруду. Пеликан описал круг по воздуху и с шумом сел на воду.

С этого дня, несмотря на подрезанное крыло, серый упрямо учился летать. Следом за ним стали подыматься на крыльях и два розовых, вихрастых.

Так прошло лето.

С деревьев уже слетали легкие желтые листья. Они падали на плотную синеву пруда и прилипали к ней. Изредка налетал

уже свежий ветер, и тогда поверхность воды будто познабливало.

Втянув голову и выставив длинный клюв, три пеликана кружили над прудом.

На повороте они подставляют крылья под ветер парусом. Ветер помогает им повернуть. Но подняться выше деревьев они, видно, не решаются.

3

Начались морозы, выпал снег. Пеликаны все еще сидели на острове. В ветреный день они укладывались носом против ветра. Так ветер не топорщил, а приглаживал им перо.

Ломая тонкую, звенящую пленку льда, от берега к острову с трудом подвигались мы в лодке.

Нужно было перевести пеликанов в закрытое помещение.

Лодка еще не добралась и до середины пруда, а на островке не осталось ни одной птицы.

Неуклюже ковыляли пеликаны по льду. Сделав попытку взлететь, с размаху садились они на тонкий ледок и ранили об его осколки перепончатые лапы.

Вдруг три пеликана — два розовых и один серый — уверенно поднялись в воздух. Стая встревоженных ворон поднялась вслед за ними. Пеликаны покружили сначала над прудом, над деревьями, поднялись выше и вдруг скрылись с глаз.

Во все концы Москвы были посланы бригады с приказом найти, вернуть летунов.

Летунов нигде не было.

4

На Москва-реке, у Трехгорки, против милицейского поста от стока теплой, отработанной воды с фабрики есть проталина. Удивленно поворачивая свои клювастые головы, отогревалась тут пара розовых пеликанов.

По одному спустились мы на лед и начали наступление. Мы охватили проталину кольцом.

Вдруг пеликаны снялись с полыньи и, махнув через наши головы, потянули вдоль реки.

Проваливаясь в воду, бежали мы за птицами по льду. Толпа бежала следом по берегу.

Погоня была почти до Окружного моста. Тут птицы, видно, устали. Они заметили отходящую в сторону от Москва-реки маленькую замерзшую речку. Передний пеликан быстро свернул в нее. За ним потянул другой. Крутые берега речки сужаются. Вот пеликаны уже чертят по ним крыльями. Вот они поспешно лопочут по льду на лапах. Маленькая речка стала для птиц западней. Мы догнали пеликанов.

Ты, вероятно, хочешь спросить: что случилось с третьим пеликаном, с серым хохлом?

Несколькими днями позже его подстрелил какой-то охотник на Москва-реке.

Павел Арбатов.

КАЧЕЛИ

Встав на цыпочки, столбы
раскачали доску.

На доске сидят грибы
в беленьких матросках.

— Разглядела если бы,
это вовсе не грибы —
это красные панамки
мы надвинули на лбы.

Выше маковки берез
долети, достань-ка,
я березу перерос
самый старший —
Санька.

Санька пыжится ежом —
я всех выше этажом.
Он расселся на качелях,
а мы очереди ждем.

Ветер с ласточкой играет,
ей на крылья дышит.
Ветер, ветер, помогай,
раскачай повыше!

Полетели, как снежки,
одуванчики-пушки.
Закивали на березке
нам зеленые флажки.
Я с ромашки оторву
беленький билетик,
сяду и не зареву,
а вы качать не смейте.

Только дайте мне начать,
я сама буду качать.
А вот если полечу,
я сама буду кричать.

Встав на цыпочки, столбы
раскачали доску.
На доске сидят грибы
в беленьких матросках.

Под березовым кустом,
под осиновым листом,
загорелые на солнце,
мы, как рыжики, растем.

З. Александрова

БЕЛОЧКА

— Ну, так что же в самом деле,
что мне только три недели,
что с кулак я ростом?
Плох разве хвост-то?
Вот сейчас закину
хвостик за спину..
Стой, хвост, прямо,
как у белки мамы.
А хвостик повис
вниз...

— Ничего, подрасту,
велю встать хвосту.

В С Е З Н А Й К А

Он шагает словно взрослый,
У него на шапке мех.

Он всегда на все вопросы
отвечает лучше всех.

Как он лезет вон из кожи,
чтоб казаться молодчиной!
У него портфель из кожи,
острый ножик перочинный.

Он так важно входит в двери, так шагает по ступенькам, будто он, по крайней мере, ученик второй ступени.

Он все знает, он — всезнайка...
Где нужна какая гайка,
как устроен дирижабль,
где живут ужи и жабы...

Он бы мог совсем зазнаться:
восемь лет, а так учен!
Кем он будет лет в двенадцать?
Архитектором? Врачом?

Не кричите! Не стучите!
Прекратите шум и вой!
Кто идет? Идет учитель
нашей группы нулевой.

Как веселая семейка
непоседливых галчат,

разлетелись по скамейкам...
Приготовились... Молчат.

— Кто к доске пойдет сегодня?

— Я сегодня у доски!

И всезнайка руку поднял,
поднял сразу две руки.

На доске учитель мелом
Пишет слово САМОЛЕТ.

А всезнайка смотрит смело
и читает: СОМ и ЛЕД.

На доске учитель снова пишет слово САМОЛЕТ.

А всезнайка смотрит снова
и читает: СОН и МЕД...

— Вот так умный! Вот так
взрослый! —
засмеялись все вокруг.

— Слишком легкие вопросы, — говорит всезнайка вдруг. —

Как устроен дирижабль,
я вам лучше расскажу.
Где живут ежи и жабы,
как жужжит навозный жук,

где пасутся жеребята,
чем питаются ужи...

— Расскажи! — кричат ребята. —
Все сейчас же расскажи!

— Дирижабль сделан ловко.
Он большой, как рыба-кит.
А внутри такая кнопка,
тронешь кнопку — полетит.

Быстро машет крыльев пара,
и несутся клубы пара...

— В дирижабле дым и пар?! —
Все от смеха свисли с парт.

А всезнайка сдвинул брови:
— Ну и смейтесь на здоровье,
все равно я в десять раз,
в двести раз умнее вас!

Он берет портфель из кожи,
острый ножик перочинный.
Как он лезет вон из кожи,
чтоб казаться молодчиной!

Открывает с шумом двери
и шагает по ступеням.

Он на вид, по крайней мере,
ученик второй ступени.

А. Барто

Н А Ш А Ж И З Н Ь

Вот наша арба

рис. Сая Мухамедова 8 л.

Мне 8 лет. Я учусь в школе имени Н. Крупской в I группе. Я получила № 1 журнала „Мурзилка“. Статьи, рисунки — все про зиму, про снег и про снегурочек. Значит, там у вас зима долго бывает, снег долго лежит на земле, а у нас в Туркменистане не так: 1) зима короткая, 2) снег самое большее 3-4 дня лежит и то днем тает. Бывают такие дни, что утром или ночью снег выпадет, днем уже растает, вечером ничего не останется. Поэтому здесь мы не можем сделать снегурочку, не можем кататься на салазках и на коньках. У нас на санях не ездят, так как нет снега. И летом и зимой ездят на фэтонах и на арбах.

Я не видела саней, тулупа, валенок и знаю их только по картинкам. Мы здесь не носим шубы. У нас лето жаркое, об этом я напишу потом.

Пока до свидания.

Сая Мухамедова, 8 лет
г. Ашхабад

Вы пишете в журнале „Мурзилка“ про весну, но у нас ее скоро не будет, потому что у нас еще морозы 30°. Катаемся на лыжах и собаках. Я слушал по радио московских пионеров, я был рад, потому что сам в радио нашел передачу пионеров. Я себе сделал приемник из газеты, но он поломался. Хочу делать из дощечек.

Игорь Николаевский, 7 лет
Область Коми, Северного края. Цылемский район, совхоз „Полярный“

Ребята, мы получили в один день два эти письма. Одни и саней, и лыж, и валенок не видели, а другой катается на собаках, и весна у них будет не скоро.

Напишите и нарисуйте нам, кто живет очень далеко от Москвы, как вы провели майский праздник, на чем катались, как были одеты на улице и на каких языках говорили речи на майской демонстрации.

Редколлегия. Асеев Н., Барто А., Маршак С., Смирнова В., Степанова А., Шифрин Н.
Ответств. редактор Н. Венгров

Художеств. оформление Н. Шифрина.

Москва. Изд. № 3910. Сдана оригиналов 17/IV. Подп. к печ. 8/V. 2 печ. листа. Колич. зн. 68.640. Статформат Б—72×19

Уполном. Главлита № Б—30030. 2-я тип. изд-ва ЦК ВКП (б) „Правда“ Москва, Судев. вал, 49. Зак. 818. Тир. 100.350

**Догадайтесь,
о чем эти ребята договорились,
и напишите нам**

Адрес редакции журн. „Мурзилка“:
Москва Центр, Новая площадь, дом 6/8. Издательство „Молодая гвардия“.